всем хутором.
— Ага! Видал, как Гришка-то наш? А? — подмигивал он стряпчим, коротенько тыча в ладонь, когда читающий, по складам, спотыкаясь доходил до того места где Петро описывал подвиг Григория, на себе протащившего шесть верст раненого подполковника.
— Первый крест изо всего хутора имеет! — гордился старик и ревниво отбирая письма хоронил ~~его~~ в подкладку мятой фуражки, шел дальше в поисках другого грамотного.
Сам Сергей Платонович увидя его из окошка лавки вышел снимая картуз.
— Зайди-ка, Прокофьевич!
Он жал старику руку мясистой своей белой рукой говорил.
— Ну, поздравляю, поздравляю... Кхм... Таким сыном гордиться надо; а во его отпоминали. Про его подвиг читал я в газетах.
— И в газетах прописано? — давился Пантелей Прокофьевич сухой спазмой.
— Есть сообщение, читал, читал.
Сергей Платонович сам достал с полки три четвертки лучшего турецкого табаку, не вешая насыпал в кулек дорогих конфект и передавая все это Пантелею Прокофьевичу сказал:
— Будешь Григорию Пантелеевичу посылать посылку, передай, от меня поклон и вот это.
— Вот-а-те наш, честь-то Гришке какая... весь хутор об нем гутарит... дожил я... — шептал старик сходя с ступенек моховского магазина.
Он высморкался, рукавом чекменька ~~вытер~~ раздавил щекотавшую щеку слезу, подумал: „Старею, видно. Слабой на слезу стал... Эх, Пантелей, Пантелей, куда шагнуть размотались. Крепкий раньше был, с барки мешки по восьми пудов таскал, а теперь? Подносил меня Гришка трошки..."
Он хромал по улице прижимая к груди кулек с конфектами и опять мысль его (как чибис надбалтыв...) вилась вокруг Григория, набродили на головы слова из Петрова письма. Тут-то и повстречался ему сват Коршунов. Он первый окликнул Пантелея Прокофьевича.
— Эй, сват, постой-ка!!
Они не виделись со дня объявления войны. С тех пор, как ушел Григорий из дома, установились меж ними отношения не то что враждебные а натянуто-холодно~~ватые~~. Мирон Григорович злился на Наталью за то, что живет с Григорием, идет от него милостыни, и его, Мирона Григорьевича, заставляет переживать подобное-же унижение.
„Сука поблудная! — в семейном кругу ругал он Наталью, — жила-бы дома у отца, а то ~~сама~~ пошла к свекрам, сладше ей хлеб там. Через нее, дуру, и вот приходится страму